



## ДЁРТ бизни къуртарараджакъ!



Шевкет ве Карина Февзиевлер къорантасы. Балалары: Артур, Диана, Сабрина, Эмир.

## Выжженная в памяти депортация.

### Воспоминания очевидцев

В Узбекистане их поселили в старом прокопченном сарае без окон, крыши и пола. На каждую семью отвели по метру-полтора квадрата. Дизентерия, тиф, голод. И каждый день гнали на хлопковые поля: бригадир прямо на лошади заезжал в центр барака и щелкал кнутом. Неудивительно, что в этих условиях люди массово умирали. В один из дней слегла и бабушка Наримана Меметова. Вот что, по его словам, было дальше: «Как-то ей уже совсем плохо стало, она говорит: «Виноград хочу!». Узнал, что в одном отделении совхоза где-то есть виноградник, пошел туда босиком в одних рваных штанах в майке, залез в этот виноградник, взял несколько кистей. Естественно, меня заметили... Кинулся прочь от виноградника, а там был ров, у меня много ягод высыпалось, другие помялись, но одну кисть я придержал, кое-как выскочил. Подошел с этим виноградом к бабушке, ей в рот немножко покапал сока, она мне сказала: «Спасибо, сынок». И умерла.

стр. 2-3 ►

## В проект справочника для ЗАГСов внесли нелепые крымскотатарские имена

Зачем нашему народу надуманные и нелепые имена? Встречаются настолько злые и насмешливые варианты, которые даже писатели-сатирики не смогли бы придумать! Поэтому в книге (тем более в справочнике для ЗАГСов) все имена должны писаться правильным литературным языком. Борьба за честь крымскотатарских имен, за обогащение их состава (включая старинные имена и народные варианты), за грамотное и унифицированное их написание наша общая. И этим должны заниматься грамотные, хорошо знающие крымскотатарские личные имена специалисты.

стр. 7 ►

## В Симферополе состоялся литературный вечер в память о жертвах депортации крымских татар

У каждой семьи есть своя история, связанная с депортацией 44-го года. Каждая из них по-своему трагична, сложна, но общим по сей день остается одно: никто не ответил за тот день мая сполна. Почему? Почему коренной народ выдворили из собственных домов на



полвека, а кого-то даже навсегда? Почему какая-то очень важная персона решила окрестить трудолюбивый и любящий родную землю народ предателями? Почему умирали те, кто мог бы дождаться прошедших войну детей, мужей или внуков? Почему... Почему...

Сегодня при произношении слова «Ватан», помимо чувства гордости, где-то в глубине души начинает ныть давно полученная, переданная от родителей, а им от их матерей и отцов рана. Все бы ничего, если бы не память о страшных событиях 18-го дня мая, уже поселившаяся в нашем ДНК. Нет антисептического средства для нее, нет бинтов. Их не хватит – так глубоко засела эта рана.

Не вылечить, а успокоить, самостоятельно дать хоть немного логичные ответы на сложные вопросы. Чем же? Конечно, словами и музыкой. Это те неотъемлемые составляющие, без которых не может существовать ни один народ.

Сеяре Кокче, Майе Сафет, Алие Кендже-Али. Эти личности известны среди народа строками, наполненными глубоким смыслом, существующими в унисон с

мыслями целого народа. Также красив и очарователен вокал наших известных исполнителей – Мавиле Абкеримовой, Эльвиры Сарыхалил. Первое мгновение звучания голоса каждой из них – это миллион мурашек по телу, это микротранс, это умелая рука дирижера для оркестра души.

Так представьте себе, если объединить таланты писателя и певца? Вот оно! Вот оно – снадобье для наших ран. Соцветие талантов, чье творчество не оставит равнодушным. Благодаря им состоялся литературный вечер, посвященный скорбной дате под названием «Агърым, Севгим, Къуванчым – Ватаным».

Грустно-прекрасная атмосфера зала «Шейх-Эли». Зрители, затаив

дыхание, наблюдали за мимикой выступающих и улавливали тихий шелест бумаги, тихо падающей из их рук.

Общее негодование, страх перед каждым днем, пугающая неизвестность – вот что было в их строках и голосах. Вот что со слезами на глазах слушали гости вечера. Столько обиды в этих творениях, но их хочется слушать! В них то, о чем сложно говорить и почти что невозмож но понять... Помимо событий давности, наш народ переживает новые удары судьбы. Нет, не такие откровенные, да и взялись на нашу голову совсем недавно. Сегодня это происходит будто случайно, будто неумышленно и так неуклюже, что ноги сами ведут прочь от маскарада. Куда-то далеко, прочь от родной земли... Дежавю какое-то, правда?

«Муим дегиль, ким къаршында, муим ким янъында (важен не тот, кто напротив, важен тот, кто рядом – прим. ред.)» – строки, подводящие итоги литературного вечера. Давайте держаться вместе.

**Алиме МЕНАС**  
фото Дилявер ЗИНЕДИН

## Выжженная в памяти депортация

### Воспоминания очевидцев Виноград для бабушки

Нариман Меметов (на фото) в годы войны остался сиротой – его воспитывала бабушка. С нею же его, 15-летнего мальчишку, депортировали из Бахчисарайского района в совхоз Нарпай под Бухарой. Несмотря на то, что Нариман почти все годы немецкой оккупации состоял связанным в партизанском отряде.



В Узбекистане их поселили в старом прокопченном сарае без окон, крыши и пола. На каждую семью отвели по мет-

ру-полтора квадрата. Дизентерия, тиф, голод. И каждый день гнали на хлопковые поля: бригадир прямо на лошади заезжал в центр барака и щелкал кнутом. Неудивительно, что в этих условиях люди массово умирали. В один из дней слегла и бабушка Наримана Меметова. Вот что, по его словам, было дальше: «Как-то ей уже совсем плохо стало, она говорит: «Виноград хочу!» Смотрю, ей на лицо мухи прямо сели, сами серые. Я накрыл ее намоченной марлей, все равно лицо серым-серо – воздух был благодатный для мух. Думаю: «Родственники в другом отделении, ну где ты возьмешь виноград?».

Узнал, что в одном отделении совхоза где-то есть виноградник, пошел туда босиком в одних рваных штанах в майке, залез в этот виноградник, взял несколько кистей. Естественно, меня заметили... Кинулся прочь от виноградника, а там был ров, у меня много ягод выссыпалось, другие помялись, но одну кисть я придержал, кое-как выскочил. Подошел с этим виноградом к бабушке, ей в рот немножко покапал сока, она мне сказала: «Спасибо, сынок». И умерла.

Дальше вопрос, как хоронить... Никому ни до кого дела нет. Вытащил из сумки последние вещи, пошел на базар, поменял на кукурузные лепешки – они тогда

## Задержанного на акции в память о жертвах депортации оправдали

18 мая в Центральном районном суде Аксмесджита (Симферополя) прошло заседание по делу Сейтасана Асанова, которого 17 мая задержали в ходе акции жертв депортации крымскотатарского народа.

19-летнего жителя Аксмесджита обвиняли в неподчинении законным действиям полиции. После прений и допроса ряда свидетелей суд постановил оправдать крымского татарина из-за отсутствия состава правонарушения.

17 мая в микрорайоне Ак-Мечеть в Аксмесджите, где состоялась традиционная акция «Зажги огонек в своем сердце» ко Дню памяти жертв геноцида крымскотатарского народа, задержали около двух десятков человек, среди которых были и несовершеннолетние.



## Стало известно, сколько прокурор запросил для фигурантов «дела 26 февраля»

В Центральном райсуде Симферополя 14 мая обвинение потребовало наказание для Али Асанова и Мустафы Дегерменджи в виде 5 лет лишения свободы условно с испытательным сроком в 3 года и 6 месяцев.

14 мая подсудимые Али Асанов и Мустафа Дегерменджи выступили с последним словом.

Суд намерен вынести приговор 4 июня.

По словам адвоката, остальным фигурантам «дела 26 февраля» обвинение потребовало наказание в виде 3 лет 6 месяцев условного срока лишения свободы с таким же испытательным сроком.

## Чийгоз и Умеров встретились в Вашингтоне с представителями Трампа

Участники крымскотатарского национального движения Ахтем Чийгоз и Ильми Умеров в Вашингтоне встретились с представителями администрации президента США Дональда Трампа.

Об этом 16 мая на своей странице в Facebook написал Умеров.

«В ходе этой встречи обсуждалась текущая политическая ситуация в Восточной Европе, Украине и [...] Крыму», – говорится в сообщении.

Кроме того, состоялась встреча с представителем сенатора Ричарда Дурбина (штат Иллинойс).

Также Чийгоз и Умеров посетили офис американской юридической фирмы Covington and Burling, LLP, представляющей интересы Украины в Международном суде ООН, в судебном процессе против России.

Как сообщается, при участии Чийгоза и Умерова в Институте Маккейна прошло мероприятие, в ходе которого крымские татары рассказали собравшимся о событиях в Крыму.



Мне было девять лет, когда умер папа. 11 мая 1934 года он почувствовал себя плохо, слег, а на следующий день его уже не стало. Мама тоже была слаба здоровьем. Но все равно каждый день выходила в поле, чтобы как-то прокормить нас. Через несколько лет от сер-



### Воспоминания Зенифе Сейтбаттал

Я родилась 3 января 1925 года в деревне Саватка Балаклавского района. Мать была домохозяйкой, отец – извозчиком. В семье нас было пятеро детей, я – самая старшая.

Я очень любила учиться. Мне даже подарили отрез как премию за хорошую успеваемость. Но окончить школу так и не смогла.

дечного приступа умерла одна из моих сестренок. После нее не стало самого младшего нашего братика. И, едва мы отошли от горя, началась война. Мне было шестнадцать лет...

Мужчины ушли воевать, пахать в полях было некому. Из каждой деревни выбирали девушку, чтобы обучить работе на комбайне. В Саватке выбрали меня. Я уже начала выходить в поле, пахать, но вскоре на нашу деревню обрушился страшный гул – это заходили немецкие обозы, машины, мотоциклы, военная техника. Было очень шумно и страшно. Первые несколько дней мы боялись выйти из дома. Лишь когда поняли, что солдаты не собираются нас убивать, немного осмелились. Немцы не издавались над нами, не глумились над девчушками, но морально подавляли сильно. Они считали себя высшей кастой, а нас – третьесортными людьшками.

Мы снова начали голодать, всю живность и продовольственные запасы забрали солдаты. Всех незамужних девчачат грозили отправить в трудовые лагеря в Германию. Некоторые девушки выходили замуж за ребят младше, лишь бы их оставили в покое. Я тоже вышла замуж только для того, чтобы остаться в родном селе. Мой муж был учителем в школе и поэтому, когда началась война, его не забрали на фронт. Естественно, никакой любви между нами не было, да и о какой любви можно говорить в военное время? Мы все старались просто выжить. Но со временем мы притерлись и полюбили друг друга.

## Охота на семью муллы

Была в нашей деревне партизанская семья. Глава семьи, Къайбулла, был муллой, поэтому за ним и его близкими закрепилось прозвище «семья муллы». Двое его сыновей Меджмедин и Хайретдин ушли в лес к партизанам. В селе осталась их мать, дети и жены, одна из которых была на последних сроках беременности. Не знаю как, но немцы узнали, что эта семья – партизанская. Их погрузили на машины и вывезли в лагерь эсесовцев. Потом говорили, что их расстреляли. Оставили только старенькую бабушку, как приманку для сыновей-партизан. Дом постоянно патрулировали.

Я узнала, что старушка голодаает. Мама как раз замесила тесто на хлеб. Я незаметно отщипнула от него кусок, сунула за пазуху и побежала к дому муллы. Когда я увидела старушку, слезы навернулись на глаза. Она сидела, сгорбившись над котелком, отковыривала жировой нагар и ела его. Я быстро отдала ей тесто, она схватила его и тут же съела еще сырьим.

Вскоре после этого поймали и самих партизан. Их расстреляли, а трупы возили по деревням, пугая местных жителей, чтобы они не шли против немцев.

## «Неправильные» пчелы

Советские войска были где-то рядом. Мы слышали, как разрывались снаряды в Севастополе, гранаты падали и на наше село, прямо в наш город упал подбитый немецкий самолет. Я видела, как кишки летчика вывалились из его тела.

Когда в деревню снова вошли «наши» войска, мы день и ночь танцевали, пели песни и плакали от счастья. Но недолго... Поздним вечером 17 мая в дверь начали тарабанить. Я подошла к двери и сказала, что мы не можем открыть, потому что в доме нет мужчин. Солдат оказался казанским татарином. Он прошептал на татарском «Апа, ачинъыз, бир яхшы хабер айтаджам». Иначе сказать он не мог, потому что в каждом доме, в том числе и в нашем, ночевали солдаты. Если бы знали мы, что он хочет нас предупредить... Дверь я так и не открыла.

Под утро в дверь снова постучали со словами: «Откройте – НКВД!». Они попросили мой паспорт, сказали, что нас выселяют из Крыма, на сборы дали 15 минут. Напоследок солдат сказал: «Смотри, не растеряйся, сколько сможешь на себе утащить, столько и бери». Я распорола матрац и принялась запихивать в него вещи, посуду, кое-что из

еды. Накрыли мешок тазом и стали ждать. Пришел пожилой политрук, ткнул пальцем на таз и спросил зачем мне он. Я показала на живот, сказала, что скоро у меня будет ребенок, его нужно будет где-то купать. Он рывком швырнул таз в сторону и попал прямо в пчелиный домик. Пчелы роем вылетели наружу. Тогда он разозлился еще больше, но, не зная к чему придраться, прокричал: «Почему у вас пчелы не работают?!» Я ответила, что они работают днем, а сейчас ночь. Он молча запер дверь нашего дома и собрался уходить. Но дома остался паспорт и папина скрипка. Я с животом полезла в окно, чтобы забрать их, но политрук вернулся, схватил меня за ноги, со всех сил дернул назад, покрыл меня матом и сказал, что этот дом уже не мой, мне нечего там делать, после чего ушел.

## Сломанные судьбы

Тогда я побежала к маме. Она жила отдельно и была очень боевой, смелой женщиной, но такой я ее не видела никогда. Мама с ошалевшим взглядом держала в руках топор, ее руки тряслись. Все в деревне словно с ума сошли, стоял жуткий гул, крики, стоны, собаки выли, коровы непрерывно мычали, птицы кричали. Я увидела маминых соседей. Муж, жена, сын-подросток, у каждого в руках по младенцу. Накануне женщина родила тройню. Ногу ее обвил четырехлетняя дочка. Огромные слезы текли по их щекам, а в глазах был страх. Эту картину я не забуду никогда.

Через 28 лет я случайно встретила мужчину, который оказался тем самым мальчишкой-подростком. Я узнала, что все три сестренки-тройняшки Мухтара (так его звали) одна за другой умерли в дороге во время депортации. Потом не стало его отца. Не выдержав потерю, умерла и мать. Они с сестренкой остались вдвоем, но вскоре умерла и она...

Вырос Мухтар в детдоме. Потом женился и пообещал себе, что никогда не будет один и вырастит столько детей, сколько пошлет ему Аллах. Жена подарила ему двенадцать детей, но картины прошлого преследовали его и днем и ночью. Слишком долго он был один во всем мире. Мухтар беспощадно пил, чтобы забыться. Он тогда сказал мне: «У меня все внутри горит, никак не могу забыть, и только этот ядовитый напиток притупляет боль...».

## Все вернулось на курги своя

Нас привезли в Гулистан. Это место называли голодной степью – там не росли ни овощи, ни фрукты. Мы попали в колхоз, в который еще задолго до этого высыпали украинцев. Эти люди прониклись к нашей беде и старались всячески помочь нам. Через три месяца я родила девочку. Вскоре нас нашел мой муж. Мы еще несколько раз переезжали с места на место, а потом, наконец, осели.

Сложная была жизнь, и тяжелых дней было намного больше, чем хороших. Я помню голод 33-го, когда люди траву ели, чтобы не умереть с голоду. Отец мой поменял золотой кушак на несколько буханок хлеба. Отца не стало – опять голод, война – голод, депортация – голод. Единственное, что мне помогло пережить все это – это мое крепкое здоровье.

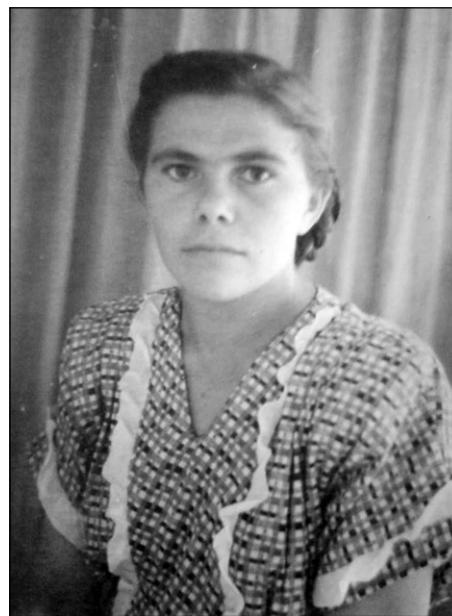
В 1993 году мы, наконец, вернулись в Крым. Только здесь я смогла обрести покой. У меня пятеро детей и четырнадцать внуков, теперь я самая богатая бабушка на свете!

The QIRIM

## Воспоминания Лутфие Тагаровой о 18 мае 1944 г.

В 4 часа утра нас разбудила Сува-де-тизем (она жила в середине села, а наш дом находился в конце) под видом того, что идет за угольком с щипцами (маша), для розжига печи, она прибе-

жала к нам и сообщила маме, что в начале деревни выводят людей из домов и чтобы она тоже на всякий случай одевала детей. Причину происходящего она тоже не могла знать.



Все село было собрано около кладбища, где весь народ продержали до вечера. Мама хотела сбежать домой и взять с собой фасоли, но солдат не пустил ее в конец села, и сказал, чтобы взяла в доме Сеферова. А Сеферов, как бы не разрешил, сказав: «Что я буду кушать, когда вернусь?» Мама так в итоге ничего не взяла.

Вечером всех начали грузить по машинам. Помню, когда нас грузили, старшая сестра Наджие, ей было 18 лет, положила в машину медный таз, но офицер выскочил из кабинки и скомандовал выбросить таз на землю, а сам сел опять в кабину, сестра снова взяла таз и положила в машину, но он снова был выброшен по команде того же офицера. Он даже начал доставать пистолет. Сестра ему показывала на младших сестер и брата, что их нужно будет купать, а офицер ничего не хотел слушать. В итоге, когда он успокоился и сел в очередной раз в кабину, сердобольный солдат разрешил сестре поднять таз. Она спрыгнула с машины и подняла его наверх и затем села сама. Благодаря ей позже на Урале мы и все соседи по бараку купались в этом тазу.

Когда проезжали деревню Карапез (где сейчас стоит памятник), бежал один мальчик и кричал, звал свою маму, на верное, его подобрала последняя машина – так хочется думать. Кругом было слышно мычание коров, вой собак и голоса других животных. Нас привезли на станцию Сюрень, где на шпалах мы присидели и промерзли до утра. Утром пришел состав с телячими вонючими вагонами со стороны Севастополя, наполовину заполненными нашими соотечественниками. Нас погрузили, и состав двинулся на Урал, но тогда мы еще об этом не знали.

Записала Анифе АМЕТОВА

## Депортация для внуков депортированных

У меня совсем мало воспоминаний из раннего детства, но я очень отчетливо помню тот майский день.

Мне лет 5, холодно и пасмурно, отец

ведет меня за руку, и мы с ним идем в толпе через центр города. Люди вокруг держат в руках самодельные плакаты и флаги – старые, молодые, с маленьими детьми. Мы привлекаем внимание прохожих, зевак, продавцов продуктовых магазинов. Они рассматривают нас, обсуждают, усмехаются.

Я не могу понять, чем вызван такой интерес. Сейчас, спустя столько лет, мне кажется, что так люди наблюдают за экзотическими животными в зоопарках.

Любопытство берет верх, и я все-таки задаю вопрос отцу – почему эти люди так нас рассматривают, куда мы вообще идем?

– Видишь ли, милая. У крымских татар сегодня день памяти. Когда-то давно наших мам и пап выслали, многие погибли по дороге. Сегодня мы их вспоминаем, – попытался объяснить отец.

Вопросов у меня тогда появилось еще больше. Это уже потом, чуть позже, бабушка рассказывала нам с сестрой, как они жили с семьей в Феодосии и после освобождения Крыма, ночью постучались, дали на сборы 15 минут. Дальше – товарные вагоны, вши, голод, антисанитария, Урал, барак без окон и дверей, переезд в Узбекистан.

Читать по слогам меня учила она же, а первой книгой стала поэма «Факел над Крымом», которая рассказывает историю Мусы Мамута. В знак протesta против запрета жить в Крыму он поджег себя и через несколько дней скончался в больнице.

Потом была школа, где я в полной мере ощутила на себе как это – быть крымской татаркой и изгоям, «неполноправленной». Это когда, например, школьный врач на медосмотре тебе может сказать: «Так, а какая же ты крымская татарка, если ты родилась в Узбекистане? Ты узбекская татарка. Нет уже никаких крымских татар».

В детстве я очень любила слушать истории моей бабушки о довоенной Феодосии. Их семья жила на крутом спуске к морю. Бабушка вспоминала местный парк, в котором по выходным играл оркестр, как они бегали детьми на большое поле – смотреть на взлетающие самолеты. Я помню даже, что во дворе дома росла старая шелковица и прабабушка ругалась на детей из-за черных рук.

Не знаю почему, но именно летом 14 года я попросила родителей отвезти меня в Феодосию. Это была моя последняя поездка в Крым.

Мы гуляли по старой части города, и мама пересказывала уже бабушкины истории: «Вот на этом месте раньше была мечеть, а это тот самый парк, в котором играл оркестр, а на месте этого магазина стояла цирюльня твоего прадеда».

И я помню, что очень отчетливо представила себе ту самую довоенную Феодосию, когда деревья были высокими, а мои бабушки и дедушки счастливыми и беззаботными детьми в том старом Крыму.

Этот образ теперь всплывает каждый раз, когда я вспоминаю о Крыме.

На фото моя бабушка Кафие. Родители ее назвали в честь родного города. Говорят, мы с ней очень похожи.

Севгиль МУСАЕВА

## Тазие

13 майыста Миллий арекетининъ фааль иштиракчысы, омюринъ миллетимизинъ куреш ёлунда сарф эткен Аблямит Усеинов агъыр хасаталыкътан соң вефат эти. 1933 сенеси Аблямит агъанынъ бабасы Усеин Аджы-Асанов, дөгъма Къырым, Капсихор коюндөн репрессияларъга оғрады ве Казахстанға сюргүн этильди. Анда 1942 сенеси Шортанджы коюнде Аблямит агъа дюньягъа кельди. 1950 сенелерининъ башында Аблямит агъанынъ къорантасы Узбекистанға, Беговат районынде Зафар коюне кочып кельди. Халкынынъ акъ-укукъы оғрунда куреште Аблямит агъа дайма оғдеки сафында эди. Джеппар Акимов, Муаррем Мартынов киби белли халкымызынъ лидерлернинъ сафдаш эди. О, бизим хатырамызда бойле олып да яшайджакъ. Онынъ омюр аркъадашына, балаларына, торунларына ве дигер якъынларына самимий тазилемизни бильдиремиз ве баш сагълыгъыны тилеймиз.

Сафдашымыз Алланынъ раҳметинде олсун.

# Более сотни крымскотатарских активистов собрались у памятного знака жертвам депортации в Симферополе

В Акмесджите (Симферополе) 18 мая в 12 часов более сотни человек собрались у памятного знака, где почтили минутой молчания память жертв депортации крымскотатарского народа.

Перед собравшимися выступил крымскотатарский активист Нариман Джелял. Он напомнил, что собравшиеся пришли почтить память жертв депортации крымскотатарского народа и что подобные мероприятия 18 мая проходят в разных городах Крыма и в мире.

«Эта память всегда будет жить в наших сердцах. Мы не позволим забыть эту боль: ни самим себе, ни кому бы то ни было. Нет ни одной крымскотатарской семьи, где бы не потеряли хотя бы одного человека – отца, бабушку, детей. Огромное количество маленьких детей погибло в те годы, поэтому мы не позволим превращать этот день в нечто иное и будем отдавать дань скорби, боли, памяти всем, кто не смог вернуться на нашу землю», – сказал Джелял.

В сквере, где проходили траурные мероприятия памяти жертв депортации крымскотатарского народа из Крыма, находились сотрудники российской полиции, ОМОНа и три автобуса, предположительно, с сотрудниками Росгвардии, передает «Крым-Реалии».

Фото Заир АКАДЫРОВ





## В поселке Октябрьское состоялся массовый молебен в память о жертвах депортации

Одно из масштабнейших массовых мероприятий в Крыму, посвященных памяти депортации крымских татар, прошло в поселке Биюк-ОНЛАР (Октябрьское). Пришедшие провели молебен и почтили память жертв трагедии 1944 года. Крымские татары поселка Биюк-ОНЛАР ежегодно 18 мая собираются по собственной инициативе у памятного камня.

Фото: Али Меметов



# Эхо войны: история Мерьем Азиевой

*Любовь к родине превозможет все.*  
Вергилий

Прошло более семидесяти лет со дня окончания самой страшной войны на Земле, и ее последствия в различной форме дают знать о себе до сих пор. Недавно мне довелось услышать необычный рассказ о тех далеких годах.

Мерьем Азизова родилась в 1925 году в с. Гавр (Плотинное) Бахчисарайского района. Отец ее – Азиз Османов, 1892 года рождения. Мать Мерзие родилась в 1905 году. Был у Мерьем и младший брат Шукри.

**В гостях у Мерьем-апте.**  
**Вот такие крымскотатарские чебуреки приготовила Гульнар Аблаева**



Отец состоял в колхозе. Как и многие другие односельчане, занимался сельским хозяйством. Члены колхоза работали на табачных плантациях, выращивали цветы, собирали улиток. Все это в дальнейшем государством отправлялось в страны Европы. Мать была домохозяйкой.

шенней в той сложной обстановке, надо было положиться на надежного человека. И она приняла его предложение. Им пришлось пройти много суровых испытаний, прежде чем они обосновались в Крозане недалеко от города Лимож.

Постепенно налаживалась семейная жизнь молодых людей. Родились дети.

Но жизнь всегда ставит перед людьми новые проблемы. А в послевоенное время особенно. Рене стал часто ездить в мэрию города для оформления гражданства супруги. И там он стал часто замечать соседа по поселку. Они стали спрашивать друг у друга о причине посещения мэрии. И в итоге выяснилось, что они оба хлопочут по оформлению гражданства своих жен. А когда Рене поинтересовался, откуда родом жена соседа, то выяснилось невероятное!! Его жена оказалась крымской татаркой и была угнана в Германию из деревни Чоргун (ныне Черноречье) Бахчисарайского района. Зовут ее Мияссер Османова. Такое поразительное совпадение судьбы двух молодых наших соотечественниц да еще с одним районом Крыма, конечно же, удивит каждого. При встрече Мерьем и Мияссер обнялись и разрыдались. Сердца их были переполнены восторгом неожиданной встречи родственных душ в далекой Франции! Конечно же, такое событие дало много пищи для осмысления произошедшего! С этих пор каждое их утро начиналось совместным распитием аро-

матного кофе. Ведь в них жил дух своего народа и своей родины. Они стали неразлучными подругами. К тому времени у них уже были французские имена. Мерьем называли Мари, а Мияссер – Мэри.

Мерьем всегда помнила о матери, отце и других своих родственниках и втайне не теряла надежду когда-нибудь с ними увидеться. Она делала запросы в различные инстанции, не получая от них информации. В один из визитов главы советского государства Н.С. Хрущева во Францию Мерьем оставила в секретариате свою просьбу помочь найти родственников. Увы, и здесь ответ не был получен.

Мерьем-апте вырастила трех сыновей и привила им любовь к своей родине – Крыму. Старшего сына зовут Клод. Он

инженер-строитель по образованию и длительное время работал в префектуре Нантера (пригород Парижа). Второй сын Жак всю жизнь проработал механиком. Третий сын Мерьем-апте Ален – специалист в области экологических норм в прибрежном строительстве. Все они в данное время на пенсии. Дети Мерьем-апте, слушая рассказы о далеком Крыме, заочно полюбили родину матери. Они всегда повторяли, что Крым – это родина нашей мамы. Мечта матери найти своих родственников передалась и сыновьям. Поэтому поиски продолжались. При жизни Мерьем-апте сыновья сбрасывались и приехали в Крым. Мир не без добрых людей, и им в конце концов удалось найти родственников. Они проживают в деревне Коккоз (Соколиное). Это племянник Мерьем-апте Таир Сеитаблаев. Он известный аккордеонист. А его сын Эльдар Сеитаблаев – известный композитор и исполнитель своих песен. Он сочинил всеми любимую мелодию «Коккоз хайтармасы», песни «Мавиле», «Пара тапсам» и многие другие. В данное время Эльдар Сеитаблаев вместе с сыном Алином часто украшают наши крымскотатарские свадьбы, задушевными мелодиями и песнями.

От новых знакомых односельчан Мерьем-апте сыновья узнали о трагической судьбе родителей и брата Шукри. Во время депортации они попали в поселок Митан Самаркандской области. Из-за нечеловеческих условий жизни они скончались в первые же годы депортации.

Мерьем-апте прожила 85 лет и скончалась в 2010 году. Сразу после ее кон-

чины дети позвонили знакомым в Крым, чтобы проконсультироваться, как похоронить мать по мусульманским обычаям. Им посоветовали обратиться к настоятелю местной мечети. Им оказался имам, араб по национальности. В итоге дети похоронили мать согласно мусульманским канонам. Похоронена она рядом со своим супругом.

Мерьем Азизова (слева)  
с родственницей Эфтаде



А об удивительной судьбе двух наших соотечественниц нам поведала Аблаева Гульнар Мамбетовна, бывший старший преподаватель французского языка в КИПУ. Это ей звонили дети Мерьем-апте с просьбой проконсультировать, как похоронить мать по мусульманским канонам. Интересно также узнать, как дети Мерьем-апте нашли своих родственников в Крыму. Они приехали в Крым в середине мая 2007 года. Поездку свою они спланировали специально так, чтобы присутствовать на мероприятии, посвященному дню депортации нашего народа. По их просьбе им в качестве переводчика пригласили Г.М. Аблаеву. И вот при большом скоплении народа на площади она через микрофон обратилась к присутствующим с просьбой, чтобы после окончания мероприятия к условленному месту подошли бывшие жители и потомки тех, кто до войны проживали в деревне Гавр. К счастью на митинге оказались внуки тех, кто в детстве учился вместе с Мерьем Азизовой. На следующий день дети Мерьем-апте, Г.М. Аблаева в сопровождении нескольких односельчан Мерьем-апте поехали в деревню Гавр. Как рассказала Гульнар Мамбетовна, по прибытии в деревню старший сын Мерьем-апте Клод быстро перебежал мост через речку и показал то место, где должен был находиться дом их матери. Увы, на этом месте были только остатки жилого здания. Сын Мерьем-апте Клод, слушая рассказы матери, внимательно изучал аэрокосмическую карту местности и безошибочно определил месторасположение дома.



**В гостях у Мияссер Османовой.**  
**В центре – Мерьем-апте и Мияссер-апте.**  
**Справа Г.М. Аблаева, Жан (сын Мерьем-апте),**  
**Серж (сын Мияссер-апте).**

В июне 1941 года началась война с Германией. В августе 1942 года Мерьем Азизова вместе со многими молодыми односельчанками была угнана на принудительные работы в Германию. Попала она на работу к богатому австрийскому фермеру. С утра и до ночи она была занята домашним хозяйством. Рано утром доила коров, днем выполняла любую другую работу по дому. Она была так занята повседневной работой, что практически ни с кем не общалась и, соответственно, не могла в должной мере освоить немецкий язык. Единственным человеком, с кем ей приходилось перебрасываться словом-другим, был молодой француз по имени Рене Фортом, который каждое утро приезжал в поселок для сбора надоенного молока в фермерских хозяйствах и перевозки его на сборный пункт в город. Он так же как и Мерьем в свое время был угнан со своей родины оккупантами для принудительных работ. Разумеется, в дальнейших общениях молодые люди узнавали друг о друге все больше и больше и проявились друг к другу симпатией. Мерь-



Надгробный памятник

чины дети позвонили знакомым в Крым, чтобы проконсультироваться, как похоронить мать по мусульманским обычаям. Им посоветовали обратиться к настоятелю местной мечети. Им оказался имам, араб по национальности. В итоге дети похоронили мать согласно мусульманским канонам. Похоронена она рядом со своим супругом.

Несмотря на трудности, которые испытывали наши две соотечественницы, они сохранили любовь к своей родине и привили эту любовь своим детям. Нам же остается пожелать всем мира и добра на земле и чтобы никакие обстоятельства не отлучали никого от своих родственников и родной земли.

Энвер МУРАТ

# В проект справочника для ЗАГСов внесли нелепые крымскотатарские имена

В разные времена крымскотатарские имена писались по-разному. Возьмем, к примеру, наших ученых XV-XVIII столетий: Аль-Акъерманий Муса; Аль-Кырымий Ахмад; Аль-Кафауви, Абдуль-Бака; Аль-Кырымий Дийат ад-Дин и т.д.

Если говорить об именах, у крымских татар много имеющих исконные доисламские корни. Например: Айбек, Арслан, Акъттай, Бавбек, Байбек, Бектемир, Болат, Чалаш, Улан, Улькер и т.д.

С приходом ислама в Крыму возросло влияние арабской культуры. Это повлияло и на крымскотатарские имена. Появились такие, как Мухаммед, Али, Эскендер, Мерьем, Кадыр, Лейля, Мамбет, Рамазан, Иса, Муса, Ибраим, Исмаил, Якуб и т.д.

Вообще, ономастика, то есть наука о личных именах, очень интересна, своеобразна. Но сейчас не об этом.

Несмотря на то, что теме крымскотатарских имен посвящено немало статей и целых изданий, в вопросе их правописания и толкования мы, можно сказать, ни на йоту не продвинулись.

1967-1968-е годы в двух номерах крымскотатарской газеты «Ленин байрагы» были опубликованы статьи поэта Эшрефа Шемьи-заде «Сиз адынъызыны манасыны билесинъизми?» («Знаете ли вы значение своего имени?»). В 1979 году вышел «Справочник личных имен народов РСФСР», где было уделено большое место и крымскотатарским именам. В 1983 году на страницах газеты «Ленин байрагы» была опубликована большая моя статья об именах «Рэм ве элем», то есть «Рэм и обида». Затем в нескольких номерах этой газеты были опубликованы отклики на эту статью.

Уже в Крыму в разные годы Энвер Абдуллаев, Шевкет Кайбуллаев, Сейран Усейнов, Ремзи Девлетов и другие выпустили отдельные книги и брошюры о крымскотатарских именах. Среди них последний справочник ныне покойного Энвера Абдуллаева наиболее качественный.

В 2002-м году издательством «Анаюрт» была выпущена книга «Кырымтатар адлары» («Крымскотатарские имена»). Эта книга была рекомендована Крымским ЗАГСам для использования в их работе при регистрации новорожденных. Там можно было встретить такие «крымскотатарские» мужские имена, как Авай, Гайсин, Гарри, Гаджи, Вильям, Вильмур, Вильмур, Дахтен, Дидмар, Дурали, Зиран, Зовер, Зусин Иблис, Лагай, Ленди, Лензи, Луд, Меди, Мехлисон, Мина, Мошу, Ракъи, Рубен, Семаш, Шыпъла, Явагер и т. д. Такие женские имена: Айзе, Баню, Верня, Конок, Минта, Минтая, Минуар, Пике, Пиме, Пичи, Приде, Фатеша, Эмма и др.

Эти имена разве соответствуют нашим национальным традициям? Можно ли их предлагать как крымскотатарские?

Я допускаю, что в том числе из-за невежества родителей появляются подобные имена, но разве можно их узаконить и предлагать, как образцы крымскотатарских имен?

Сейчас готовится к изданию справочник личных имен крымских татар. Недавно прошло первое обсуждение его рукописи на круглом столе в НИИ КИПУ. Хоть я был заявлен в программе выступающих, слово мне не дали. Поэтому я вынужден опубликовать свою статью на страницах газет, чтобы при доработке справочника учли мои замечания, особенно в правописаниях имен и их выборе.

Я познакомился с рукописью доктора исторических наук Владимира Евгеньевича Полякова о крымскотатарских именах, тоже предлагаемой в качестве рекомендованного пособия крымским ЗАГСам для использования при регистрации новорожденных.

Как и в предыдущих книгах по ономастике, предлагаются все варианты однотипных имен. Автор во вступительной статье пишет, что однотипные имена, указанные в скобках, не будут опубликованы в окончательном варианте. А ведь во многих вариантах основные вариан-

ты написаны неправильно, а в скобках есть наряду с неправильными и правильные версии. Потом одно и то же имя можно употреблять в разных вариантах, и они будут правильными. Например, Абдулазиз, Аблязиз, Абляз. Все они правильные. А Аблез, Аблас, Аблазиз, Аблазиз – неправильные. Нельзя включать в справочник имена с грамматическими ошибками. А таких имен в рукописи пруд пруди.

Приводится имя Абдулмеджит и в скобках вариант Абдумеджит. Они оба правильны. А такие имена, как Абдулхалик, Абибула, Абдулали, Абдулазиз, Абдулатиф, Аблетар – неправильны. В каждом из перечисленных нужно выбрать правильные варианты.

Такие имена, как Караборан, Кузгун, Курт, Ташчи, Урман, Шишман, Курача и ряд других, нельзя включать в сборник. Некоторые из них оскорбительны, унизительны, неприличны и грамматически неверны. А такие имена, как: Неджедет, Алчи, Ниджий, Аюпмагит, Сейли, Багиш, Серхат, Бюллер, Гиббор, Дурали, Размик, Сапчин, Илик, Коджак, Рузгар, Куйшут, Курача (по-персидски и по-узбекски означает осленок), Маис, Менат к крымскотатарской ономастике никакого отношения не имеют. Если такие и встречаются, то свидетельствуют о безвкусице и невежестве родителей.

В сборник предполагается включить еще такие имена, как: Акбар, Армен, Габай Динар, Зураб, Рубен, Хатам, Яakov, Эдуард, Эрик, Менат... Это имена других народов, неприсущие крымским татарам.

Предлагаемые формы написания имен, например, Музакер, Анвар, Фета, Шавкат, Эмирвали и др. являются неправильными, также не присущими крымскотатарскому правописанию. Что указывает на невежество автора готовящегося справочника по этому вопросу.

В списке мужских имен встречаются такие чисто женские имена: Василе, Зодие, Кадрие, Камиле, Куртлухан, Курттатай, Кятибе, Лютфие, Мансуре, Месуде, Неджибе, Тотай, Хайырбенат.

Как можно назвать детей такими именами, как Сувук (холодный), Сувют ( glo-

тай воду), Хашиш (гашиш), Шай (вот так), Шап (нашатыр), Фанис (фонар) и т.д.?

Аналогичные примеры встречаем в списке женских имен. Неправильно написаны женские имена: Аттика (может быть Аттика, то есть шустрая), Зуре (должен быть Зоре), Кевер (должен быть Кевсер или Джевхер), Мавие (правильно Мавиле), Сальсабиль (должно быть Сельсебиль) и т.д.

Имена, имеющие узбекское, таджикское, еврейское, арабское, грузинское, армянское, славянское, ассирийское и другое происхождение: Айшахан, Амалия, Аналит, Аниса, Ануш, Афсане, Бенно, Весера, Газама, Годже, Зайтуна, Зарпышат, Карине, Леа, Лилит, Малика, Медея, Меймуне, Мицяра, Мирибан, Нишан, Санаам, Светлана, Селин, Тавга, Фарида, Фотай, Шахшена, Шердже, Эрика, Эсмера – представляются как крымскотатарские женские имена. Это, по-моему, недопустимо.

В списке женских имен встречается около 50 мужских имен таких, как Авамиль, Адиль, Азамат, Айяр, Атилла, Вехби, Гани, Зелимхан, Зелим, Зия, Зуди, Исмет, Муртаза, Наджи, Невруз, Неджат, Нурсултан, Нутфулла, Сададдин, Сами, Сефер, Сеферша, Султан, Юсиф и т. д.

Зачем нашему народу надуманные и нелепые имена? Встречаются настолько злые и насмешливые варианты, которые даже писатели-сатирики не смогли бы придумать!

Поэтому в книге (тем более в справочнике для ЗАГСов) все имена должны писаться правильным литературным языком.

Борьба за честь крымскотатарских имен, за обогащение их состава (включая старинные имена и народные варианты), за грамотное и унифицированное их написание наша общая. И этим должны заниматься грамотные, хорошо знающие крымскотатарские личные имена специалисты.

**Аблязиз ВЕЛИЕВ,**  
писатель, заведующий лабораторией Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма

## Мы сами виноваты в этой трагедии?

Вчера ходил в джами на пятничный намаз. Так получилось, что в этом году 18 мая совпало с пятницей. В очередной раз, выслушав проповедь очередного имама, вышел с негативными эмоциями. Меня мучает вопрос содержания хутбы в этот день, ее риторика и трактование тех страшных событий религиозными лицами. Когда свое мнение выражает частное лицо, это другое дело, это его личная точка зрения, но когда имам, на это стоит обратить внимание. В условиях своей работы, разъезжая по всему Крыму мне довелось бывать в разных мечетях, слушать проповеди разных имамов на эту тему и так как этот вопрос уже давно мучает меня, я запоминал и анализировал эту информацию много лет. И могу сказать? что все, кого я слушал, по сути, говорят одно и то же.

Трактовка такова: нам предлагают задуматься над тем, не явились ли страшные события 1944 года наказанием нашего народа за отступление от истинного пути, за то, что люди стали забывать имя своего Господа. На все воля Его, и сегодня это должно служить нам назиданием, чтобы мы не повторяли тех же ошибок. Смысл примерно таков, в разных случаях с разными подробностями.

Вы серьезно?! Я лично никак не могу в такое поверить. Это противоречит вся кому здравому смыслу, но когда я пытаюсь получить пояснения, разобраться, общаясь со «сведущими» в этом людьми, всегда оказывается что здравый смысл не всегда таков, каким мы его себе представляем, что если мы не способны понять какие-то вещи, это не лишает их здравости. Это очень удобная позиция для разъяснения вещей – мы

не всегда в силах понять и постичь то, что посыпает нам Всевышний. Может быть, оно, конечно, и так, но когда я приходил в джами в прошлую пятницу, имам, кажется, рассказывал, что Аллах создал людей людьми, не коровами, не обезьянами и наделил их разумом, способностью мыслить. Сделал Он это как раз для того, чтобы они понимали, как устроен этот мир, понимали ислам, понимали Всевышнего и служили ему. Человек способен отличать хорошее от плохого, правильное от неправильного, пользуясь своим умом, а не только лишь инстинктами. Все существа повинуются воле Всевышнего, но только люди и джинны способны ее понять и служить Ему осознанно. Противоречие, однако.

Когда я приходил в джами в позапрошлый раз, имам говорил, что на плечах у каждого человека сидят ангелы и записывают все его хорошие и плохие деяния. Что ничего не пройдет мимо и не забудется, каждому в судный день воздастся по заслугам, КАЖДЫЙ ответит за СВОИ совершенные дела. Аллах Велик и Милостив, и каждый, кто не забывал Его имя и служил Ему при жизни, удостоится награды за это. Итак, почему тогда целый народ, без разбора подвергается таким мучениям? Почему не заглянули в тетради жизни каждого и не определили справедливое наказание? И вообще, о наказании речь идет в следующей жизни, той, что наступит после этой, если я не ошибаюсь. Тиран с большим воображением и густыми усами, решивший высказать в вагонах целый народ, чтобы освободить его благословенную землю, в таком случае чем отличается от Всевышнего? Или он таким об-

разом исполнял Его волю? Но ведь это же – абсурд. Ни для кого не секрет и тому есть множество свидетельств, что наши предки в целом были намного более религиозными и богообязанными, чем мы. Их всех под одну гребенку, всех и каждого без разбора, без суда отправили на погибель. Нестыковочка.

Еще ранее я приходил в джами, и имам говорил, что Всевышний не посыпает нам сверх того, что мы способны выдержать. Что как бы ни испытывал нас Аллах, сохранив ему верность и не сходя с истинного пути, мы способны все перенести и впоследствии удостоимся Его милости и награды. Давайте спросим об этом 47% нашего народа, которые в первые годы депортации погибли от голода и болезней в местах спецселений. Если все это послал им Всевышний в качестве испытаний, то получается, что они их не выдержали? Видимо, вера их была недостаточно крепка, если придерживаться точек зрения, которую я слышу уже который год в джами.

Можно еще дальше продолжать разбираться в этих вопросах и зайти очень далеко. Я не буду этого делать, думаю, ход моих мыслей и так понятен. При общении с людьми, более глубоко познавшими область религии, всегда выясняется, что либо я неверующий, либо неспособный понять, либо и то, и другое. При этом того, кто способен был бы понять и сделал это, а затем объяснил бы понятным и доступным языком, я еще не встречал.

Друзья, я верю в единого Господа, у которого существует 99 имен, но не верю имаму, а это не одно и то же. Пользуясь разумом, которым Он меня наделил, я пытаюсь отличить правильное от непра-

вильного. И неправильным мне кажется то, что разные имамы как один, а следовательно, и муфтият трактуют трагедию таким образом. Я не могу объяснить с точки зрения религии, как нужно рассматривать этот вопрос, но точно знаю, как этого делать нельзя. Меня очень возмущает то, что людям это объясняют именно так. Это не лучший способ призвать задуматься о своих поступках сегодняшнее поколение. Истина, она либо есть, либо ее нет. Нельзя говорить, что Сталин, конечно, был ненормальным психопатом, но мы сами во всем виноваты и были за это наказаны.

Если наш народ и был в чем-то виноват наряду с другими народами, населявшими ту империю, то только в том, что позволил такому режиму состояться, такому тирану прийти к власти и творить эти зверства. Да, и на нас лежит такая ответственность, так же как на немцах за то, что они сделали Гитлера, и ответственность эта прямо пропорциональна нашей численности и влиянию в то время, то есть не столь велика для того, чтобы нести за это такие наказания.

Если кто-то считает иначе и способен объяснить понятными словами, то буду рад выслушать. Вот только не нужно твердить, что это выше моего понимания.

**P.S. Если я приду однажды и скажу своему деду: «Къартбаба, билесинъими, о вакъыларда, гъалиба, сен озюнъ къабатлысынъ, сенинъ озюнъ сучынъ бар». Я даже не представляю, какой будет его реакция, он и все остальные решат, что я сошел с ума. Так почему же в наших мечетях могут говорить это в лицо людям, среди которых еще немало тех, кто был очевидцем и участником тех событий?**

**Дилявер ЗИНЕДИН**

# Разговоры с отцом

С улыбкой грустной на лице  
Я вспоминаю об отце,  
Его тернистую дорогу.  
И сам стараюсь понемногу  
Заветам следовать отца  
И не терять нигде лица.

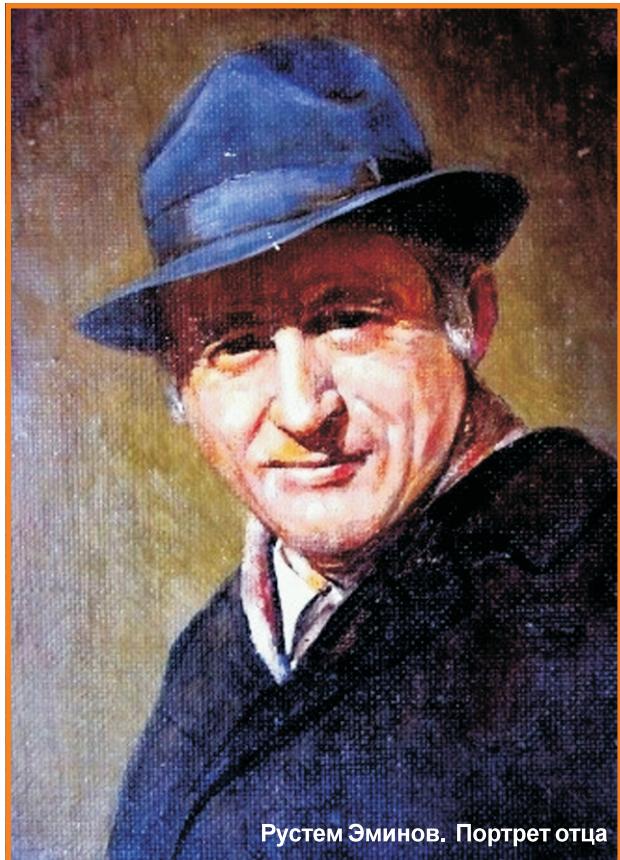
24 мая тебе должно было исполниться 90 лет. Из них 16 ты прожил на Родине, 32 (не по своей воле) – на чужбине, и уже 42 года ты живешь в моей памяти... Местом, где ты обрел свой Вечный Покой – по воле Аллаха – стало мусульманское кладбище «Минор», расположенное почти в центре Ташкента и имеющее более чем двухсотлетнюю историю. На этом же кладбище рядом с тобой покоится моя мама. Чуть подальше – могила моей супруги и могилка твоей первой внучки Лилечки, моего первого ребенка, прожившего всего два месяца.

Мысленно обхожу Вас всех и кладу каждому по букету крымских цветов...

Аллахның рахметинде олунъыз.

Азиз джанынтызыз дженнэтте олсун. Амин

В 1967 году Вы с братом Ниязи и со своими супругами в первый раз после 1944-го были на Родине, в Крыму. Мне помнятся эмоциональные рассказы об этой поездке и твои глаза. Радость в них часто сменялась выражением какой-то печали и тоски. Радость они излучали, когда ты рассказывал, как, найдя на склонах Демерджи чаир своего дедушки Амета с одичавшим виноградником, Вам даже удалось полакомиться виноградом, случайно найденным на одном из кустов. Такую же радость в твоих глазах я видел, когда слушал как тепло и радушно Вас встретили соседи – алуштинцы, простые русские люди, помнившие Ваше детство и с наслаждением говорившие на твоем, крымскотатарском, языке. Но с какой же тоской в глазах ты рассказал о том, как тебя не пустили на порог твоего родного



Рустем Эминов. Портрет отца

дома те, кого называют заселенцами Крыма. Те, кто с молоком матери впитали злую беспричинную ненависть к тебе и ко всему твоему прекрасному народу. Пусть Аллах воздаст им по заслугам... Амин!

Я думаю, что это короткое свидание с Родиной после долгих лет тоски и разлуки было первой искоркой, из которой позже возгорелось пламя острого желания приехать в Крым и выразить при помощи кисти и краски огромную любовь к своему Волшебному Отчеству Краю.

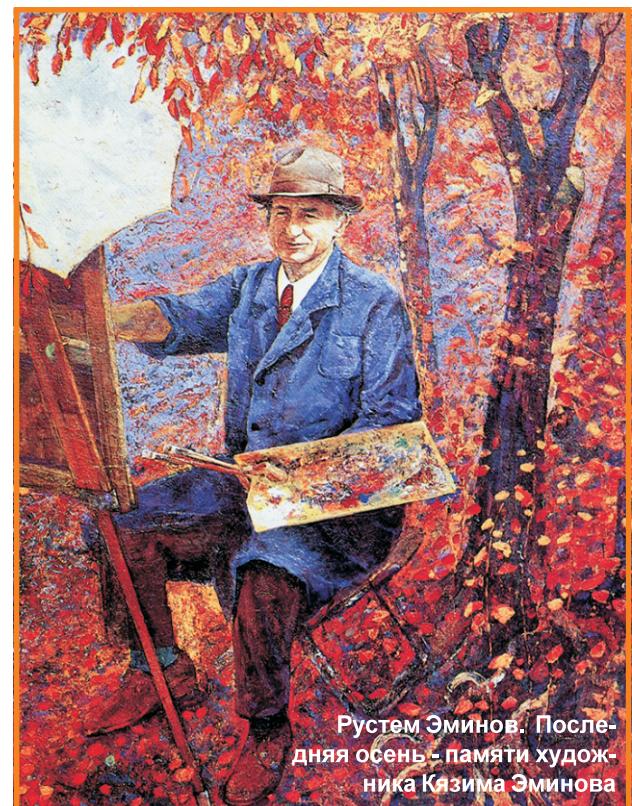
Осуществить свою мечту ты сумел в 1970 году, когда приехал на два месяца в дом творчества имени К. Коровина в Гурзуфе. За эти два месяца ты создал около ста великолепных этюдов, в которых с поразительным мастерством изобразил не только красоту своей Жемчужной Родины, но и боль души от вынужденной разлуки с ней. Помню удивление и плохо скрываемую зависть на лицах твоих коллег, когда на отчетной живописной секции ты выставил все работы, выполненные в Гурзуфе. Они не могли осознать, как за такой короткий срок можно столько успеть. И как им объяснить, что ты, как птица, десятилетиями удерживаемая в клетке, вдруг вырвался на столь желанную свободу и, ши-

роко расправив крылья, воспарил в голубом просторе своей Сказочно Прекрасной Родины.

Ты находился у себя дома, где, как известно, и стены помогают. Около одной трети этих работ закупил Государственный музей искусств УзССР. Часть вошла в собрание живописи Музея литературы имени Алишера Навои. Что-то ты сам подарил родственникам и несколько работ, которые зрители могли видеть на твоих персональных выставках в Крыму, хранятся у меня. Также у меня хранится написанный тобою более 60 лет назад небольшого размера портрет, на котором ты изобразил меня в пятилетнем возрасте. Он относится ко времени, когда ты упорно работал над своей картиной «Перегон стада», и, видимо, чтобы отдохнуть от нее, ты вечерами при свете тусклой электрической лампочки создавал мой образ. Таких вечеров было пять или шесть. Помню: позировать мне не хотелось. Оно и понятно. Для такого непоседы, каким я был в детстве, немыслимо было и минуты посидеть спокойно, а тут сиди без движения по несколько часов... Жуть! Я капризничал, вертесся, что очень раздражало тебя. Но после того, как мои уши запылали от знакомства с твоими железными пальцами, я смирился со своей печальной участью, мудро рассудив, что уши мне еще будут нужны. Когда портрет был почти закончен, ты не убрал его как обычно, а, оставив на мольберте, отлучился по каким-то своим делам. Я был дома один и решил «слегка подправить свой образ». Пальцами по не просохшей масляной краске я начал увлеченно «исправлять твои ошибки». Мое желание довести свой портрет до уровня «шедевра» было остановлено, когда мама увидела, во что я превратил твою работу. Мы оба знали твой кругой нрав и стали готовиться к самому худшему. Вскоре ты вернулся, увидев расстроенную маму, свою «исправленную» работу и меня в слезах, перепачканного краской, ты все понял и, неожиданно улыбнувшись, сказал: «Ничего... видимо, будет художником». Ты был строгим, но справедливым отцом, и сейчас я с благодарностью вспоминаю твои слова: «Люби мою строгость – она тебе друг...» Именно твоя справедливая строгость удержала меня на плаву в годы моей беспокойной юности во времена, когда молодыми людьми больше движут чувства, которые в этом возрасте обычно преобладают над разумом.

Твоим последним днем пребывания на Земле стал день 3-го мая 1976 года... Когда разъехались все, кто провожал тебя в последний путь, я сидел поздним вечером на большой скамейке перед нашим домом. Эту скамейку мы устанавливали вместе с тобой. Примечательно то, что она никогда не пустовала. Днем она была в распоряжении детей, а вечерами здесь собирались соседи и вели, сидя на ней, свои бесконечные разговоры. Сейчас я сидел на ней один и погруженный в свои горестные мысли не заметил, как рядом остановилась «Волга» – такси, из которого вышел его водитель и сел рядом со мной. Узнав о том, что у нас произошло, он прочитал дуа и на мой вопрос, знаком ли он был с тобой, он сказал, что знал тебя не более получаса. Оказалось, что один раз он подвозил тебя из города и, как-то сразу почувствовав доброжелательность и тепло, исходившие от тебя, поделился с тобой своей бедой. Как оказалось, его семейная жизнь была на грани распада, и он не знал, как быть. Выслушав его, ты подсказал, как ему следует поступить, что он и сделал. В результате семья была сохранена. Это – пример, красноречиво говорящий о твоем обаянии и необъяснимой способности притягивать к себе людей и оказывая им посильную помощь, никогда об этом не рассказывать...

На третий год после твоей трагической гибели нашей семьей тебе был установлен надгробный памят-



Рустем Эминов. Последняя осень – памяти художника Кязима Эминова

ник. Он представлял собой полуфигуру из бронзы размером в полторы натуры на внушительном постаменте. Высота всего надгробия была чуть больше трех метров. Автором всего комплекса был Леонид Григорьевич Рябцев. Этот памятник благополучно простоял более 30 лет. Он стоял бы и до сего дня, но какие-то НЕ-ЛЮДИ, ЗВЕРИ, ВАНДАЛЫ, соблазнившись цветным металлом – бронзой, похитили твою полуфигуру. Да покарает их Аллах!!! Стараниями твоего внука Эльдара и художника-педагога Салпинкди Яниса Панаевича полуфигура была восстановлена и установлена на прежнем месте. Но теперь она выполнена из бетона и, конечно, не производит прежнего впечатления, но, слава Аллаху, имеем, что имеем. Вот такие события произошли без тебя... Сейчас я мысленно опять на кладбище «Минор». Вспоминаю вас всех, брошу от одного к другому и читаю, как могу, дуа. А по радио звучит твоя любимая песня «Адалар сахилинде».

Рустем ЭМИН

Кимерде бир ачуым чыкъса,  
Ичимдеки джанаварым уянса,  
Асапларым мытлакъ паттай,  
Эсимни сарып ала ногъай.

Джайрүгүмө мен атланаман,  
Яныма тери къамчы аламан,  
Душманларгъа уджюм этип,  
Ачуунен парчалайым джекирил.

Дембеллик апансыздан кельсе,  
Къолумдан бир шей келишмесе,  
Тюшюмде ялы бойгъя кетем,  
Къарт чобангъя чевирилем.

Раатланам нарат тюбюне ятып,  
Уннутулам узун чубукъ чекип,  
Денъиздеки гемилерге севинейим,  
Узакъларгъа кетмек арзу этийим.

Эгер чыкъса бир кимсенен даев,  
Шу дақъкъада ускут пейда ола.  
Беяз бу акъ, къара – зия айтам,  
Къозгъалмагъа пек къуванам.

Къальбимни къайгъы къалкъанда,  
Дертлер юргегимни якъкъанда  
Эшитем насыл агълай кемане,  
Манъя дева о, мен – чингене.

Къырымлынынъ зенгин джаны,  
Асырларда пиши къаны,  
Чокъ кимселер къарышкъан,  
Чокъ къыяфетлер къошуулгъан.

ЧОРАБАТЫР